

АПОЛЛИНАРИЯ СУСЛОВА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ И АРХИВНЫЕ ОПОВЕРЖЕНИЯ

Л.А.Орехова

(доктор филологических наук, профессор,
Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского)

У статті аналізуються матеріали про А.П.Суслову, які склали основу її літературного образу, а також публікуються архівні документи, що потенційно коректують образ Аполлінарії, який не співпадає з реальними біографічними характеристиками.

In this article para-literal materials about A.P. Suslova are analyzed, which formed the basis of its literary character, also archival documents are published, and potentially correct the image of Apollinary, which does not coincide with actual biographical characteristics.

Имя Аполлинии Сусловой широко и скандально известно современной читательской аудитории. Если обратиться к Краткой литературной энциклопедии, то об Аполлинии Прокофьевне Сусловой (Розановой), «русской писательнице и мемуаристке», прочтем немного: родилась в 1840 г. (здесь ошибка: родилась в 1839 г.) в с. Панино Горбатовского уезда Нижегородской губернии, умерла в 1918 г. в Симферополе (опять ошибка: в Севастополе); «дочь бывшего крепостного», «в начале 60-х гг. слушала лекции в Петербургском университете», опубликовала повести «Покуда», «До свадьбы», «Своей дорогой». Отмечается, кроме того, что героиням Сусловой-Розановой, как и ей самой, свойственны «этический максимализм, бескомпромиссность, стремление к общественно-полезной деятельности». Деликатно обозначена близость с Ф.М. Достоевским: «За границей С. вела дневник, содержащий важные материалы к биографии Достоевского; С. – прототип некоторых героинь писателя: Полина («Игрок»), Екатерина Ивановна («Братья Карамазовы»)» (1, 274-275).

Как показало время, в памяти широкого читателя остались не литературные произведения А.Сусловой (а она, ко всему, была еще и хорошей переводчицей, и, кстати, не все ее переводы выявлены), а пикантные сведения: что в 1863-1865 годах она была возлюбленной Ф.М.Достоевского, но изменила ему; в 1880 г. стала женой В.В. Розанова и в 1886 г. разъехала с ним (не давая, впрочем, развода). В русских литературных кругах эти факты были достаточно известны; почти сразу после смерти писательницы они обросли скандальными подробностями и послужили сюжетным началом мифа об Аполлинии, разработанного позднее литературоведением и литературой до сюжетной определенности. Цель статьи – обозначить документальные и эмоциональные составляющие литературного образа Аполлинии Сусловой, а в задачи статьи входит как анализ литературных и окололитературных характеристик А.П.Сусловой, так и обнаружение архивных документов, подтверждающих, что созданный образ Аполлинии не совпадает с реальными биографическими характеристиками.

«Программа» мифа об Аполлинии, легшая в основу ее будущего литературного образа, все более обогащающегося инвариантными негативными трансформациями вот уже полтора столетия, на мой взгляд, была задана в письме Ф.М. Достоевского от 19 апреля 1865 г. к младшей сестре А.П. Сусловой – Надежде Прокофьевне Сусловой (1843 – 1918), студентке Цюрихского университета. Именно тогда наметился разрыв в отношениях между Достоевским и Аполлинией. Упомянутое письмо пространно и неожиданно откровенно, если учесть, что речь идет об интимных переживаниях и что 44-летний Достоевский пишет девушке 22 лет. Приведем некоторые отрывки:

«Она колет меня до сих пор тем, что я недостойн был любви ее, жалуется и упрекает меня непрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: «Ты немножко опоздал приехать», то есть что она полюбила другого, тогда как две недели назад еще горячо писала, что любит меня <...>

Я многое мог бы написать про Рим, про наше с ней житье в Турине, в Неаполе, да зачем? <...>

Я люблю ее еще до сих пор, очень люблю, но я уже *не хотел бы любить ее. Она не стоит* такой любви <...>

Ведь она знает, что я люблю ее до сих пор. Зачем же она меня мучает? Не люби, но не мучай» и т.д. (2, 121).

Достоевский объяснял свою откровенность старой дружбой с Надеждой Сусловой: «Не первый год меня знаете, что я в каждую тяжелую минуту к Вам приезжал отдохнуть душой, а в последнее время исключительно только к Вам одной и приходил, когда уж очень, бывало, наболит в сердце. Вы видели меня в самые искренние мои мгновения, а потому сами можете судить: люблю ли я питаться чужими

страданиями, груб ли я (внутренно), жесток ли я? <...> Не вините меня. Я Вас высоко ценю, Вы редкое существо из встреченных мною в жизни, я не могу потерять Вашего сердца. Я высоко ценю Ваш взгляд на меня и Вашу память обо мне. Я Вам потому *так прямо* про это пишу, что Вы сами знаете, я ничего от Вас не домогаюсь, ничего от вас не надеюсь получить, следовательно, Вы не можете приписать моих слов ни лести, ни заискиванию, а прямо примите их за искреннее движение моей души». Закончил он письмо напутствием «не закупоривать себя в исключительность, отдаться природе»: «До свидания: когда-то? Прощайте. Будьте счастливы, будьте счастливы всю Вашу жизнь. Крепко жму Вам руку и лишь желаю с Вами хоть когда-нибудь встретиться. Что-то мы тогда будем оба? А Вы мне всегда будете очень памяты. Ваш весь Ф.Достоевский». В письме приписка: «У Вас теперь юность, молодость, начало жизни – это счастье! Но *ищите ее пристально* всю жизнь, не то – ужасно легко сбиться. Но у Вас есть сердце, Вы не собьетесь».

А я – я кончаю жизнь, я это чувствую. Все равно, – Вы мне, как молодое, новое, дороги, кроме того, что я люблю Вас, как самую дорогую сестру» (2, 121). Показала ли Надежда это письмо сестре? И если после этого Достоевский и Аполлиария все еще продолжают переписываться и для Достоевского Аполлиария – «друг вечный», то Надежда могла относиться к их связи лишь как странной и ненужной.

Письмо было обнаружено в архиве мужа Н.П. Суловой, профессора гистологии А.Е. Голубева (ум. в своем имении Капель-Приморский близ Алушты в 1926 г.) и опубликовано в 1928 г. профессором Крымского педагогического института Е.В. Петуховым с соответствующим комментарием, по которому сложные взаимоотношения Достоевского и Аполлиарии так или иначе объяснялись «мучительством» «суровой» и «непримиримой» Суловой (3, 15). «Подтверждала» «деспотичный» характер Аполлиарии история ее короткого брака с В.В. Розановым, которому она долго не давала развода, и в результате дети от его второго, гражданского, брака считались незаконнорожденными.

В.В. Розанов женился на 40-летней Аполлиарии, все еще красавице, в 1880 г., когда ему было 24 года. А в конце 1880-х, добиваясь развода, сообщал в Синод, а также своим знакомым невероятные вещи о бывшей жене. Его сведения живо брались в расчет, и образ Аполлиарии обрастал новыми эпитетами: «злая» и «инфернальная» (4, 151-155), «лукавая и развратная», «похотливая и жестокая» (5, 183-186), а также склонная к терроризму в молодости и в старости примкнувшая к черносотенцам. Сочувствие исследователей творчества Ф.М. Достоевского было не на ее стороне, о чем свидетельствуют работы Л.П. Гроссмана, Е.В. Петухова, М.Л. Слонима, С.В. Белова (6).

Скажем более: по мере того, как история Аполлиарии отдалялась в прошлое, смелее ступали краски при создании ее образа в литературе. Так, в книге Л. Гроссмана «Достоевский» из серии «Жизнь замечательных людей» (М., 1965) появляется эпизод, «доосмысленный» автором: обманутая молодым любовником Аполлиария посвящает Достоевского в план мести *всем мужчинам*, для чего наметила ... убить *царя*. Вот воображаемый и изображаемый Л. Гроссманом разговор Аполлиарии и Достоевского:

«Я изнывала от тоски и возмущения. Я чувствовала, мне нужно непременно убить, но, я соглашалась с тобой, не его: он мелок, не стоит великого греха... О нет, свою месть я превращу в подвиг, жертвуя собой, достигну славы, мстя за поруганную любовь, войду в историю человечества...»

Не все ли равно, какой мужчина заплатит за надругательство надо мной. Все вы виновны, у всех на совести обманы, предательство, жестокое сластолюбие. Но если уж мстить, так чтобы всему миру стало известно о единственной, неслыханной, небывалой, неповторимой мести...

- Поля, опомнись! Неужели же ты могла бы убить человека?

- Не колеблюсь.

- Кого же?

Она посмотрела на него с глубоким и почти презрительным равнодушием.

- Неужели ты не догадываешься? Царя» (7, 276-277).

Приметим, что Достоевский изображен «бескорыстным опекуном» (7, 275), любящим, «самоотверженным другом», и в то время как Аполлиария смотрит «с презрительным равнодушием», «с безразличием», Достоевский «смотрел на нее молящими глазами» (7, 275).

В книгах современного достоевоведа С.В. Белова варьируются те же мотивы: Достоевский видел Аполлиарию «в беспощадном свете правды»; их «любовь-ненависть могла питаться и несомненно питалась глубокими идейными расхождениями между верующим монархистом Достоевским, каким он вернулся после каторги и ссылки, и страстной нигилисткой Суловой, неистово отрицавшей весь «старый мир» и даже готовой примкнуть к антиправительственному террору». И далее умозаключение: «Думается, в том, что любовь превратилась в ненависть, *виновата прежде всего и главным образом Аполлиария. В натуре ее самой сидел изначально какой-то бес мучительства* (выделено мною – Л.О.), и она это отчетливо сознавала, когда делала, например, такую запись в дневнике: «Мне кажется, я никогда никого не люблю» (6, 58-59).

Здесь, наверное, кстати будет заметить, что никаких документов и свидетельств, подтверждающих террористические намерения героини мифа, не имеется. Тем не менее для дискуссий о характере взаимоотношений Аполлинару и Достоевского и, стало быть, о личности А.П. Суловой, русской писательницы, места, похоже, не остается.

В духе Л. Гроссмана трактует С.В. Белов и отношения В.В. Розанова с А.П. Суловой-Розановой, делая, впрочем, оговорку: «Розанов сам был далеко не ангел по отношению к ней» (6, 62). С.В. Белов пытается проникнуть в отношения Аполлинару с родителями, в частности, с отцом. «Враг рода человеческого поселился у меня теперь в доме, – якобы жаловался отец Суловой Розанову, – и мне самому в нем жить нельзя». «Правда, надо учитывать, – комментирует С.В. Белов, – что отец не уступал во властности своей дочери» (6, 61-62). В данном случае понятно, что исследователь доверился информации В.В. Розанова. Тень неприязни, т. о., распространилась и на Суловых-родителей, что, как увидим в дальнейшем, далеко от справедливости.

К сожалению, сегодня совершенно забыта иная трактовка поступков и характера Аполлинару, данная А.С. Долининым, тонким исследователем и автором ряда фундаментальных статей по творчеству Ф.М. Достоевского. Обращаясь к дневникам А.П. Суловой еще в 1924 г (8, 8-18, 489-493), А.С. Долинин продемонстрировал проникновенное понимание этой сложной натуры с драматичной судьбой – хотя ему не были известны найденные позднее документы. По мысли Долинина, в Аполлинару следует ценить прямоту и строгость характера; она отчаянно искала любви и безупречной честности в отношениях, но не одолела «неодолимых противоречий между идеалом и действительностью» (9, 205). Цитируемая статья А.С. Долинина не переиздавалась и давно стала библиографической редкостью, как и большинство материалов и документов, касающихся судьбы А. Суловой. Зато читательским кругам доступны книги, где нередко берут верх досужие авторские догадки. Так, М.Л. Слоним в книге «Три любви Достоевского» следующим образом истолковывает цитированное нами письмо Ф.М. Достоевского к Надежде Суловой от 19 апреля 1865 г. (см. выше): «Этот вопль Достоевского не остался без отклика. Вмешательство Надежды, очевидно, повлияло на ее строптивую сестру, и между Аполлинару и Достоевским произошло нечто вроде примирения» (5, 170). Женитьба В.В. Розанова, поклонника Достоевского, на А.П. Суловой интерпретирована еще жестче: «Брак с бывшей возлюбленной учителя (Достоевского – Л.О.) получал для него (Розанова – Л.О.) характер некоего физического таинства. Самая мысль о том, что он будет спать с той самой женщиной, с которой когда-то спал Достоевский, приводила его в мистически-чувственный восторг» (5, 182-183). В книге Слонима имеются и «воспоминания» об Аполлинару (например, со слов З. Гиппиус); они смахивают на инсинуации, содержат откровенные неточности.

В наши дни история Аполлинару не потеряла скандальной притягательности. В 1997 г. в израильском журнале «Двадцать два» напечатана пьеса Н.А. Воронель «Несостоявшаяся встреча», где, по замыслу, Достоевский должен предстать перед читателем, а главное, видимо, – перед зрителем – «в зеркале женской любви». Обыгрывается то обстоятельство, что А.П. Сулова умерла в Крыму в 1918 г. и в том же году в Ялте умерла Анна Григорьевна Достоевская (Сниткина). В предисловии к пьесе так и сказано: «Обе женщины Достоевского – и Полина, и Анна – умерли в 1918 г. в Крыму, куда они бежали от революции в С.-Петербурге, и похоронены недалеко друг от друга» (10, 94). На наших глазах рождается новый миф. На самом деле место захоронения А.П. Суловой-Розановой не известно (предположительно – в Севастополе), а А.Г. Достоевская была похоронена в Ялте на Аутском кладбище, но в 1968 г. ее прах перевезен в Ленинград и перезахоронен в Александро-Невской лавре. Что касается «бегства от революции», то это – дань известному стереотипу.

Сюжет строится на «случайной встрече» в 1918 г. в вагоне двух старых уже женщин, запросто названных «СА» (Старуха Анна – А.Г. Достоевская) и «СП» (Старуха Полина – Аполлинару Сулова): одна тащит тяжелый чемодан с рукописями Достоевского (понятно: А.Г. Сниткина), у другой (это Аполлинару; ей, между прочим, 79 лет) за плечами мешок с продуктами. Обе женщины погибают, причем «СП» (бывшая «террористка» Аполлинару) – от пули красноармейца.

Второй план в пьесе – сцены из жизни Достоевского в год его женитьбы на А.Г. Сниткиной. Как следует из предисловия, второй план написан «на основании» дневников А.Г. Достоевской и А.П. Суловой, но подбор и интерпретация дневниковых записей явно тенденциозны и сводятся к страстям в любовном «треугольнике», которого в действительности не было и – если знать характер Аполлинару – не могло быть. В духе нынешних правил в пьесе уделено внимание и время «откровенным» сценам, двусмысленным намекам.

Практически одновременно имя Аполлинару Суловой эксплуатируется Виктором Ерофеевым в книжке «Мужчины» (главка «Зачем тебе стерва?»): «Эталоном русской стервы можно считать Полину Сулову, напившейся крови Достоевского и затем бросившей его ради испанского студента. Позже, став женой молодого еще Розанова, она измотала его и выбросила вон, а когда тот в письмах молил о пощаде, выговаривала ему, что брошенных мужчин в России – тысячи, и они не воют, а он, подлец, воет, как

волк» (11, 181-182). На второе место после «эталона»-Аполлинии Ерофеев ставит Лилию Брик. В этом случае автор ограничивается краткой фразой («Была еще и Лиля Брик») и дальше «список» не распространяет. Явно, что Ерофеевым использованы «подручные» знания для «обобщенного» образа «стервы»: «В ней нет здоровой светлой энергии <...>. Но это не взбалмошность, эгоцентризм или истероидность. Это – стиль жизни <...>».

Стерва всегда чем-нибудь интересна. Она притягивает к себе мужчину тем, что с ней не соскучишься, женский ум идет за ум, невменяемость – за творческую оригинальность. Попав под черное обаяние, полюбив стерву как неповторимую личность, мужчина не замечает ловушку. Стерва чувствительно бессердечна, блистательно зла. Стерва – одно из наиболее ярких проявлений человеческого несовершенства. Она гордится своим мужчиной ровно до того момента, пока не открывает состязательность. Она начинает сосать его кровь и мозг, создает для мужчины великолепный театр дискомфорта, в котором она состоится как победительница. Стервозность – суррогат таланта. Чем больше скандалов, тем стерва сильнее. Вампиризм стервы – захватывающее зрелище садизма» (11, 181).

Вот почему исследователю, да и широкому читателю необходима была книга с непредвзятой и исчерпывающей информацией об Аполлинии. Такая книга Л. Сараскиной – «Возлюбленная Достоевского: Аполлиния Сулова: биография в документах, письмах, материалах» (12) – вышла в Москве в 1994 г. Здесь собраны, хронологически систематизированы и иллюстрированы почти все на тот момент известные материалы об А.П. Суловой-Розановой. Расположены они так, что читатель имеет возможность познакомиться как с самим документом, так и с его интерпретациями, т. е. познакомиться с фактом и дать ему самостоятельную оценку. Здесь же впервые опубликованы произведения А.П. Суловой, сохранившиеся лишь в журнальных вариантах и ныне недоступные, а также основные даты жизни писательницы. Перед нами судьба незаурядной, но несчастливой женщины.

Родилась в семье крепостного, но, благодаря успешному ходу дел отца (стал управляющим именными гр. Шереметьева), она и сестра ее Надежда обучались в институте благородных девиц в Петербурге. Сестры вольнослушательницами посещали Петербургский университет, познакомилась с Достоевским, редакцией «Современника». В журналах Ф.М. Достоевского «Время» и «Эпоха» выходят повести А. Суловой. Два с лишним года (1863 – 1865) жила за границей (Франция, Италия, Швейцария); в это время в Цюрихском университете училась и скоро (в 1867 г.), защитив докторскую диссертацию, стала первой женщиной-доктором медицины ее сестра Надежда. Возвратившись в Россию, Аполлиния Сулова сдала экзамен на звание учительницы истории и открыла в с. Иваново школу для девочек, которая, однако, через три месяца была закрыта по распоряжению смотрителя училищ (1869). Несколько лет жила с родителями в Нижнем Новгороде, занимаясь литературными переводами; ненадолго приезжала в Петербург, а также в Москву (на женские курсы), где и познакомилась со студентом Московского университета В.В. Розановым. В 1880 г. вышла за него замуж. В 1886 г. Сулова-Розанова рассталась с мужем; после смерти родителей жила в одиночестве в Н.Новгороде, Крыму. Умерла в Севастополе в 1918 г.

Хотя и проблематично теперь найти что-либо новое о судьбе А.П. Суловой-Розановой, работу эту необходимо продолжать. Так, например, оказалось, что в Государственном архиве Автономной республики Крым (ГААРК) в частном фонде А.Е. Голубева (Ф.536) сохранилось 4 письма, имеющие прямое отношение к жизни Аполлинии Прокофьевны. Ценность их в том, что они содержат объективную информацию о семье Суловых и относятся как раз к тем периодам, о которых исследователи располагают очень немногими сведениями. Каждый из этих новых документов по-своему «работает» на разрушение сложившегося мифа об Аполлинии. Среди них два письма П.Г. Сулова из Нижнего Новгорода к дочери Надежде за границу от 6(18) июня 1873 г. и 21 августа 1874 г.; письмо Аполлинии из Нижнего Новгорода к сестре (8 июня 1873 г.); наконец, письмо некой Каролины Германн от 15 октября 1913 г. (город не указан), написанное к Н.П.Суловой-Голубевой, – с подробностями о тяжелой старости Аполлинии Прокофьевны.

Приведем некоторые фрагменты из писем и прокомментируем их.

Прежде всего, письма отца, П.Г. Сулова. Написаны грамотно, четким, красивым почерком, полны нежности к дочерям и выдают в нем человека большой природной одаренности. «Н. Новгород. 6(18) июня 1873 г. Дорогие наши друзья Федор (Ф.Ф. Эрисман, первый муж Н.П.Суловой. – Л.О.) и Надежда! Говорить ли, как мы рады были вашему милому письму из Мюнхена от 10 июня. В момент получения этой корреспонденции воскресло в нашем воображении, в нашей памяти все прошедшее, дорогое нашему родительскому сердцу, мысленно мы видим вас обоих среди своего старческого кружка; нам живо представляется то время, когда в эти же самые месяцы вы были с нами вместе, распивали чай под деревцем, дышали одним нашим летним воздухом. А теперь, увы! нам не суждено насладиться этим удовольствием <...>» (13, 15).

Родителей всерьез беспокоит тяжелая болезнь сына Василия, уехавшего лечиться в Германию. В то лето старшая дочь живет с ними в Н. Новгороде: «Аполлиария теперь у нас и проживет с нами все лето» (13, 15).

Двумя днями ранее, 8 июня 1873 г., Аполлиария Прокофьевна втайне от родителей тоже пишет сестре в Цюрих. Размашистый почерк, косые строчки: «Милая сестра! Скажи лишь, что ты думаешь или знаешь о здоровье Василья, т.е. какой конец. Я думаю, очень плохой, только не знаю, скоро ли. <...> Отцы очень огорчены. Мне жаль его, а больше их. Напиши мне о его болезни на имя Ольги Дмитриевны Ошаниной в контору общества «Кавказ и Меркурий» с передачею А.С. Полного имени не пиши, а то к нам письмо принесут. Я, конечно, изорву и не скажу никому.

О себе сказать нечего, кроме того, что я думаю жить и умереть в Нижнем; хотела бы зимой прослушать лекции в Москве, которые меня очень интересуют, но едва ли это удастся. В Нижнем я знакома только с Ошаниною.

Прощай. А.С.» (13, 8).

Тем же летом Василий умер, и, к слову, дату его смерти (1873 г.) удалось установить лишь из писем П.Г.Суслова: ранее считалось, что он умер в 1877 г. (12, 445).

21 августа 1874 г. П.Г.Суслов написал Надежде выстраданные строки о своей родительской тоске по незабвенному сыну. Сколько широты в этом человеке! «Для нас очень утешительно, что вы оба здоровы и весело проводите время, – обращается он к дочери и зятю. – Отдыхайте, отдыхайте, друзья для новых подвигов на пользу страждущих. Счастлив тот, кто может помогать своему ближнему. Жизнь людей как будто нарочно устроена так, что один другому нужен и без помощи, взаимно одним другому делаемой, невозможно существование человеческого общества.

Что касается до нас самих, то мы, благодаря Бога, живем пока втроем по-прежнему...» (13, 10-11). Из письма также узнаем, что старшая дочь никуда не уехала, живет с родителями: «Аполлиария также целует вас обоих; она все хандрит по-прежнему, никуда почти не ходит, а сидит постоянно с нами» (13, 10-11).

Это – «инферральная» Аполлиария? Выбирая одинокую жизнь в провинции, около «отцов», глушила в себе надежды и ожидания, сознательно подвела черту под своей прошлой жизнью, в которой остались ее писательские пробы, столичные и заграничные знакомства, Достоевский.

Письмам П.Г. Суслова следует доверять безусловно, так как они не были рассчитаны на историческую перспективу и стороннее прочтение (в отличие, скажем, от писем В.В.Розанова и Ф.М.Достоевского). А потому не верится, что через несколько лет после этих писем старик Суслов жаловался на Аполлиарию бывшему зятю В.В. Розанову (в сущности, чужому человеку): «Враг рода человеческого поселился у меня в доме <...>»

В 1900 г. А.П. Суслова-Розанова продала дом в Нижнем Новгороде и переехала в Крым, где в имении Кагель-Приморский (ныне с. Лазурное) с 1880 г. жила сестра Надежда. Позднее поселилась в Севастополе в своем доме на ул. Батумской, 27. О севастопольском периоде ее жизни сведений очень мало. Возможно даже, что не всегда она жила в Севастополе; возможно, выезжала. Теперь, однако, можно сказать, что ее старость была одинокой и далеко не обеспеченной. Это узнаем мы из письма Каролины Германн к Н.П.Сусловой-Голубевой в Кагель-Приморский от 15 октября 1913 г. Письмо на французском языке, при переводе мы старались сохранить авторский стиль и пунктуацию, лишь в принципиальных случаях приводя их к современным нормам.

«Мадам,

извините меня, прошу Вас, за то, что, не будучи знакомой, я решилась писать Вам. Я живу у Вашей сестры и вижу, что она находится в затруднении, имеет долги; например, она должна за жилье почти за два месяца, затем я сама ей одолжила денег, я кормлю ее ужином, потому что в других местах нужно платить вперед. Причина, по которой я к Вам обращаюсь, в том, что мне говорили столько хорошего о Вас и Вашем муже и что я знаю, что Вы ничего не жалеете для других, тем более что на свете у Вас есть только единственная сестра, старая, это приносит Вам огорчения, но что делать!

Желательно, Мадам, чтобы Вы не рассказывали никогда этого Вашей сестре, так как она будет очень рассержена, если узнает, что я писала Вам и рассказала о ее положении; это правда, однако она скрывает ее от Вас.

Еще раз, Мадам, прошу у Вас прощения за беспокойство.

Честь имею Вас приветствовать.

Каролина Германн.

15 окт. 1913.

P.S. Самое главное, что зимой она постоянно нуждается в теплых чулках и проч. Летом еще можно обойтись без многих вещей. Кроме того, я забыла сказать об отоплении, она должна и за него.

Это печально, когда человек уже в возрасте и в затруднительных обстоятельствах, когда молод и здоров – другое дело!

Я очень надеюсь, Мадам, что Вы не истолкуете дурно, что я предупредила Вас, Мадам, о Вашей сестре, меня бы это очень огорчило.

Я делаю все, что в моих силах для Вашей сестры, может быть, она Вам об этом рассказывала; наш долг на земле – почитать старость» (13, 6-7. Перевод с франц. Вл. Орехова).

Сестры Суслы – Аполлиария Прокофьевна и Надежда Прокофьевна – умерли в один год. Н.П.Суслы-Голубева скончалась 20 апреля 1918 г. от паралича сердца в Кастеле-Приморском, похоронена там же, могила сохранилась. Где похоронена А.П. Суслы-Розанова, не известно.

Семейный архив А.Е. Голубева, как убеждаемся, существенно помогает увидеть новые черты в психологическом портрете А.П. Суслы (между прочим, интуитивно угаданные А.С.Долиным еще в 1920-е годы), и в перспективе, может быть, опровергнет или хотя бы скорректирует скандально привлекательный для некоторых авторов образ «инфернальной» Аполлиарии.

1. Перлина Н.М. Суслы (Суслы-Розанова) А.П. // Краткая литературная энциклопедия. – Т.7. – М., 1972.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. – Т.28. Кн. 2. Подлинник письма хранится в Государственном Архиве Автономной Республики Крым (ГААРК). – Ф. 536. – Оп.1. – Ед. хр. 94. – Л. 403-405.
3. Петухов Е.В. Из сердечной жизни Достоевского (Ап. Прок. Суслы-Розанова) // Известия Крымского пед. ин-та. – Симферополь, 1928. – Т.2, отд.2.
4. Гроссман Л. Путь Достоевского. – Л., 1924.
5. Слоним М. Три любви Достоевского. – М., 1991.
6. Белов С.В. Жена писателя: Последняя любовь Достоевского. – М., 1986.
7. Гроссман Л. Достоевский. ЖЗЛ. – изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1965.
8. Суслы А.П. Из книги «Годы близости с Достоевским» // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: В 2-х т. – Т.2. – М., 1990.
9. Долин А.С. Достоевский и Суслы // Достоевский. Статьи и материалы. Сб.2. – Л., 1925.
10. Воронель Н. Несостоявшаяся встреча // Двадцать два. Общест.-политич. и литер. журнал еврейской интеллигенции из СНГ в Израиле. – № 106. – Москва – Иерусалим, 1997.
11. Ерофеев Виктор. Мужчины. – М., 2005.
12. Сараскина Л.И. Возлюбленная Достоевского: Аполлиария Суслы: биография в документах, письмах, материалах. – М., 1994.
13. ГААРК. – Ф. 536. – Оп.1. – Ед. хр.62. – Л.15.